

ФРАЗЕОЛОГИЯ В СТАРОРУССКОМ И СТАРОБЕЛОРУССКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ (К ПРОБЛЕМЕ НОМИНАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ)

1. Современная фразеология как «раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии» [ЛЭС, с. 560], достигла значительных успехов. Однако в основном эти успехи касаются изучения современного состояния фразеологии как совокупности устойчивых словосочетаний. Работы по исторической фразеологии появляются нечасто, хотя потребность в них очевидна: полноценно понять сущность любого современного языкового явления невозможно без обращения к его истории.

Одним из наиболее актуальных направлений историко-фразеологических исследований в настоящее время нам представляется сравнительно-сопоставительное изучение фразеологии старорусской и старобелорусской деловой письменности. Старобелорусская и старорусская правовая письменность представлена большим количеством памятников, отразивших народно-разговорный тип языка восточных славян в XV-XVII вв. Этот период в истории русского и белорусского языков является важным этапом формирования их национальной формы. Древнерусское наследие сочеталось в них с существенным пластом новообразований, являющихся отражением произошедших дивергентных процессов и сформировавшейся к этому времени самобытности, которая продолжала укрепляться в эпоху Московской Руси и Великого княжества Литовского.

2. Проблема номинативных функций фразеологических единиц тесно связана с некогда бурно обсуждавшейся проблемой системности фразеологии (А.А. Кунин, Н.М. Шанский, М.Ф. Палевская, В.В. Виноградов и др.). После этой дискуссии в сухом остатке в качестве общепринятого положения оказалось утверждение о том, что существует единая лексико-фразеологическая система, изучать которую можно и следует только в целом (Н.М.Шанский). Действительно, лексическая система обеспечивает номинацию практически всех явлений материального мира, чего не скажешь о фразеологии. Однако есть основания полагать, что номинативные функции фразеологических единиц будут расширяться вместе с расширением объема фразеологии. Если считать, что фразеологию составляют только идиомы и максимально приближенные к ним единицы (в традиционной терминологии фразеологические единства и сочетания), можно с полным правом говорить о существовании эмоционально-экспрессивных единиц, имеющих ослабленные понятийно-номинативные функции. Расширительное толкование фразеологии, о котором мы неоднократно писали и которое особенно необходимо применять к историко-лингвистическим исследованиям, позволяет расширить и границы номинативных функций устойчивых словосочетаний.

3. Языки старорусской и старобелорусской письменности красноречиво свидетельствуют о том, что к этому времени сложились и активно функцио-

нировали богатые фразеологические составы, унаследовавшие часть древнерусского фонда таких единиц и пополнившиеся большим количеством новообразований. Так, например, о коварном и неблагодарном человеке говорили и в X, и в XVII в. змея *запазушная*, молитву против бесов называли *запрещальная молитва*, об устройстве оборонительных сооружений из приваленных деревьев говорили *засечи осеки*, *засеки* и т. д. О количестве фразеологических новообразований можно судить хотя бы по статьям исторических словарей русского и белорусского языков. К примеру, слово *законный* (< *законь*), известное еще древнерусскому языку, в старорусский период входит в состав таких устойчивых словосочетаний, как *законный бракъ*, *законная жена*, *законный мужъ*, *законные дети* [СлРЯ, т.5, с.219], которые остаются в русском языке до настоящего времени.

Безусловным оказывается и существенное своеобразие старорусской и старобелорусской правовой фразеологии. Приведем лишь один пример. Слово *злой* в древнерусском языке входило в состав фразеологизмов *память злую имети* 'быть злопамятным' и *злая вера*, *злое учение* 'ложное вероучение, ересь' [СлРЯ, т.6, с.24]. Старорусских фразеологизмов словарь не фиксирует, в то время как исторический словарь белорусского языка отмечает такие «правовые» фразеологизмы, как *злый переводъ права* 'незаконный выигрыши дела в суде', *злые грошы* 'фальшивые деньги', *злое ложе* 'внебрачные отношения' [ГСБМ, т.13, с. 16-17].

4. Изучение характера номинативных функций фразеологических единиц языков старорусской и старобелорусской деловой письменности позволяет сделать вывод о том, что устойчивые словосочетания использовались преимущественно для называния действий и предметов. Современной когнитологией установлено, что в различных языках понятие *деятельности* исключительно значимо и располагается на третьем месте в списке после *предмета* и *процесса*, а соответствующий концепт относится к главным в универсальных концептуальных системах [1, с.85]. В триаде упомянутых концептов два непосредственным образом связаны с представлениями о действии – деятельность и процесс. Допустив уместное в данном случае обобщение, приходим к тому, что наибольшую когнитивную значимость для человека как носителя языка имеют предмет и действие. В свете сказанного наш вывод только подтверждает уже известное. Применительно же к деловой письменности важным оказывается то, какие действия и какие предметы называют фразеологизмы.

5. Специфика сферы правовых отношений, которые обслуживала старорусская и старобелорусская деловая письменность, нашла свое отражение во фразеологии. Фразеологические и фразеологизированные способы номинации используются чаще всего для наименования преступлений, наказаний, имущественных, семейных отношений, трудовых процессов, актов купли-продажи и др. Что касается предметной сферы, то практически все ее многообразие находит фразеологическое воплощение, активно используются фра-

зеологические и фразеологизированные способы наименования документов, учреждений, лиц, денежных единиц, продуктов питания и блюд, посуды, механизмов и приспособлений и т.д.

6. Характерной оказывается структура фразеологических единиц. Для способов наименования действия чаще всего используются единицы с глаголом, который является опорным компонентом словосочетания. Приведем некоторые старорусские примеры: *промышляти полупоездомъ 'ловить рыбу поездом из половинной доли в добыче', въ полону сидети 'быть в заключении', ноги поломати 'избить, нанести тяжкие повреждения', положитися на тертьяго 'пригласить в качестве третьейского судьи', положитися на слове 'дать слово', положити на чьей-либо воли 'предоставить право распоряжаться чем-либо, решать что-либо', житии въ полове 'обрабатывать взятую в аренду землю за половину урожая, быть половником', порядитися въ полове 'подрядиться обрабатывать землю на условиях исполу' и т.д. [СлРЯ, т.16]. Аналогичными по структуре оказываются и старобелорусские фразеологизмы: *знаемость взяти, знаемость взяти, знаемость чинити 'познакомиться, знакомиться', дати знати 'сообщить', жену знати 'иметь в качестве жены', зостати при моцы 'не утратить силу'* и т.д. [ГСБМ, т.13].*

7. Лидирующее положение в сфере предметных фразеологических наименований и в старорусском, и в старобелорусском языках занимают субстантивно-атрибутивные бивербы, чрезвычайно продуктивные, образующие целые «серии» единиц. Им свойственна различная степень фразеологизации, но их активность в сфере предметной номинации в обоих языках крайне высока. Для сравнения возьмем русские и белорусские названия указанного типа со словом *золотой*: *русск. золотыхъ дель мастеръ, золотая палата, золотое дело, золотая болезнь, золотая орда, золотые ворота* [СлРЯ, т.6] – *белор. золотая орда, золотое руно, золотая волна, золотый листъ, золотые ворота, золотые лета* [ГСБМ, т.13].

8. Таким образом, исследование номинативных функций старорусской и старобелорусской правовой фразеологии представляет несомненный интерес, поскольку позволяет устанавливать не только факты концептуального толка, но и, что самое главное, отслеживать закономерности фразеологической номинации в деталях применительно к определенному периоду и определенной сфере человеческой деятельности.

В публикации используются общепринятые сокращенные названия исторических словарей.

Литература

1. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, И.Б.Левонтина. – М.: Языки русской культуры: Кошелев, 2000. – С. 84-92.